

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ГОДЪ 1917

ПОСЛЕДНИЙ
МИНИСТРЪ

ТОМ 1

1917 год

Валерий Гуров

Последний министр. Том 1

2022

Гуров В.

Последний министр. Том 1 / В. Гуров — 2022 — (1917 год)

Наш современник всю жизнь ненавидел коммунистов за то, что те в 1930-х репрессировали его родителей. На смертном одре отца, он дал клятву отомстить ненавистному режиму. Под конец длинной и насыщенной жизни, начавшейся с «подвальной качалки» и закончившейся мощной бизнес-империей, он жалел только об одном. О том, что обещание данное отцу осталось невыполненным. Как отомстить тем, кого уже нет? И судьба предоставила ему шанс поквитаться. В момент смерти сознание нашего современника перемещается в голову Александра Дмитриевича Протопопова, последнего и самого ненавистного министра внутренних дел за всю историю Российской Империи. Министра, сделавшего свержение самодержавие возможным. Идёт январь 1917. Канун событий революционного февраля. Близится отречение Николая II. Меньше года остаётся до позорного расстрела самого господина Протопопова. Что предпримет обновлённый министр? Сумеет ли сдержать данную отцу клятву и не допустить падения Империи? Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Гуров

Последний министр. Том 1

Пролог

Говорят, что при выстреле из пистолета в голову, смерть происходит прежде, чем раздаётся звук выстрела. Сегодня он услышал выстрел и даже увидел лицо убийцы. Холодная, ничего не выражающая гримаса.

Бах!

Ещё один – контрольный.

Убийца выстрелил в упор.

Бросил пистолет.

Растворился в темноте улиц.

Достали-таки...

Бог, как известно, любит троицу. Два неудачных покушения и вот на третий раз им повезло.

Сознание улетучивалось, просачиваясь как крупинки песка в песочных часах.

Лёжа на холодном асфальте, он видел, как по снегу растекается тёплая кровь. Темнело в глазах. Позвонить бы, да руку отняло – не шевелится.

Смерть подступала осторожно.

Будто сама не верила, что настал ее час.

Боли не было.

Позади осталась яркая жизнь, дай бог каждому. Стремительные взлеты, такие же стремительные падения. Он вихрем забирался на вершину пищевой цепочки, был устрашавшим хищником для тех, кто оказывался на его пути. Не раз становился преследуемой жертвой, но до сегодняшнего дня играючи обходил охотничьи силки.

И вот настал его час сказать **Hasta la vista**.

Внутри варилось чувство неудовлетворённости – он хотел жить ещё и ещё. Снова испытывать горечь поражений и счастье побед.

Любовь.

Отчаяние.

Радость.

Разочарование...

Все вперемешку.

Он прожил жизнь на полную катушку, без тормозов. Долгую жизнь, и если совершал ошибки, то всегда стремился их исправлять. Не всегда получалось, но, когда судьба выбросила его на грязную обочину, он не опустил руки и не сдался.

Не сдался он и теперь, когда смерть тянула к нему свои скрюченные пальцы. Он не довёл дело своей жизни до конца.

Сжало горло.

Стало нечем дышать.

Тело свела судорога.

– Отвали! – зарычал он.

В нем закипела злость.

– Я не закончил, дай мне ещё немного времени...

Не договорил. Яркий свет на миг полоснул глаза. Он зажмурился, стиснув зубы. Но потом ослабла хватка когтей на горле. Пульс застучал в висках тысячей ударов в минуту.

Смерть отступила, будто поняв, что совершает ошибку.

Свет медленно рассеялся.

Стал мягким, согревающим.

Он увидел перед собой совершенно незнакомых людей, одетых странно, как с театрального помоста. Эти люди необычно замерли, как будто кто-то вёл запись и теперь поставил паузу.

Глава 1

1917 год, январь 1

Царское село, Александровский дворец.

«Если можно проснуться в другом времени, и в другом месте, нельзя ли проснуться другим человеком?»

Чак Паланник, Бойцовский клуб.

Зрение прояснялось.

Он увидел, что больше не лежит у входа в здание штаба конгресса Русских американцев, а стоит внутри огромного зала, обставленного дорого и с выдумкой. Так обставляли свои хоромы чиновники на начальствующих должностях, но в отличие от хором чинушей в этом зале все было выполнено со вкусом.

Вокруг размещалось огромное количество зеркал, чередующихся с окнами. На стенах висели десятки, если не сотни золочённых скульптур, резной орнамент...

«Не понял?» – промелькнуло в голове.

Похлопав глазами, он расправил плечи, сделал глубокий жадный вдох спертго воздуха и размял затекшую шею. И вдруг понял, что находится не в своём теле – это тело шуплое, тщедушное, но «молодое». По крайней мере лет этак на тридцать моложе собственного тела и его новая оболочка послушно и охотно отзывается на импульсы от нервной системы. На нем двубортный пиджак, как с иголочки, но старого покроя, рубашка белая, брюки тоже «муха не сидела». Одежда почти один в один, как у людей вокруг.

Народ в зале начал «оживать», зашевелился, раздались голоса. Кто-то будто бы отжал «паузу» на невидимом пульте и зал пришёл в движение. На нашего героя никто не обратил внимание.

В голове вдруг всплыли воспоминания, причём не свои, а того тела, в котором он оказался по воле случая. И воспоминания эти заставили поёжиться и подобраться, настолько неожиданными и неприятными они стали.

Зовут его Александр Дмитриевич Протопопов, года рождения 1866, месяца декабря, числа 19. Место, где он оказался – Александровский дворец в Царском селе, а собрались здесь по случаю... а вот этого вспомнить не удалось. Память Протопопова только восстанавливалась и хорошего было понемногу. Информация поступала дозированно.

По щекам густо растёкся румянец. Он прекрасно помнил себя прежнего и осознавал себя человеком из 21 века, но при этом припоминал он и то, что положено было знать вот этому Александру Дмитриевичу.

Протопопову.

Последнему министру внутренних дел дореволюционной России.

Наш герой в прошлой жизни немало времени проведший за изучением событий 1917 года, ставшими роковыми для его семьи, искренне считал мерзавцем министра, во многом благодаря которому свершился тот государственный переворот. Из-за Протопова и ему подобных стал возможен приход к власти большевиков, принёсших много горя и репрессий в последующие годы. Потому, встретиться с этим человеком в другой жизни, наш герой, не раздумывая пристрелил бы министра, причём куда быстрее большевиков, потому что не стал бы проводить следствия.

Однако теперь волею судьбы он оказался в теле господина Протопопова, столь несносного и совершенно неуважаемого человека. И это было настолько необычно осознавать, что обычно решительный и действующий без промедлений, наш герой поначалу растерялся и продолжал

хлопать глазами, как мальчишка, впервые увидевший обнаженную женскую грудь. Ему казалось, что вот-вот голос Протопопова прозвучит в его голове. Но ничего подобного не происходило. Его встречала новая реальность, частью которой он стал несколькими минутами ранее.

Однако не был бы наш герой тем человеком, кем являлся в прошлой жизни, кто чувствовал себя в криминальных 90-х как рыба в воде, не умея он взять себя в руки в нужный момент. Александр, а именно так звали нашего героя в своём новом теле, быстро пришёл в себя и с ходу попытался понять, что по чем в этом зале и кто чем дышит.

Бродил по залу с бокалом с шампанского, так кстати оказавшимся в его руках. Между тем, рожи у некоторых присутствующих на торжестве были такие, будто вовсе не на праздник собралось, а на похороны.

Империю хоронят, стало быть, подумал Протопопов.

Другие, напротив, улыбались, смеялись, все как положено на подобных собраниях.

Многих из них уже теперешний Протопопов узнавал сразу, как будто то церемониймейстеры барон Корф и Толстой, а некоторых припоминал смутно и только на лицо, не по имени. Все с шампанским, многие уже под шафе. Бьются по кучкам, где-то перешёптываются, где-то в голос говорят, но разговоры все какие-то нехорошие, давящие.

А ещё заметил Протопопов, как странно косятся на него некоторые гости, а стоит посмотреть в ответ или подойти ближе, как тут же отводят взгляды и замолкают, как воды в рот набрали. Не все правда, некоторые, напротив, начинают говорить ещё громче, будто намерено. Но есть здесь и те, кто при виде Протопопова приветственно поднимают бокалы, здороваются и широко улыбаются. Многие тянут руки...

Александр, осваивающийся в новом теле и в новой роли, поднимал свой бокал в ответ. Кивал, жал руки, но улыбаться не спешил. Голова раскалывалась так, что мама не горюй. Он все больше слушал, вникал, цедя мелкими глотками шампанское из своего бокала.

– Извольте, ничего подобного не слышал, но мне достоверно известно, что английский капитал дал отмашку не кредитовать наши военные предприятия. И происходит это немного, немало под напором слухов о переходе России под финансовую систему американских Штатов. Это настраивает против нас даже лояльную столичную буржуазию в лице банкиров...

Александр остановился, хотел было послушать интересный разговор, но в этот момент к нему подошли.

– Господин Протопопов!

Александр обернулся вполоборота и увидел перед собой мужчину, лет шестидесяти. Худенький, мелкий, узкий в плечах, несмотря на пиджак, в котором он, кстати, тонет. Но глаза – взгляд выдавал в этом мужчине человека со стальным характером и несгибаемой волей. По своей прошлой жизни наш герой встречал таких ребят, и одного даже довелось потренировать. Легковес, невзрачный на вид, а многих полутяжеловесов борол и бил. Так и этот – смотрит так, что не каждый такой взгляд выдержит. На помощь пришла новая память Протопопова, и он понял, что перед ним никто иной, как Павел Григорьевич Курлов. То бишь сослуживец Протопопова, генерал-лейтенант, бывший некоторое время товарищем министра внутренних дел и даже начальником жандармерии.

– Ваше превосходительство, я вас потерял! – заверил генерал.

Протопопов вымерил его взглядом и судя по тому, что Курлов опустил глаза, взгляд у Александра остался прежний, там в России 21 века мало кто мог с ним долго тягаться в гляделках.

– Напомни-ка, чего празднуем, генерал? – спросил Протопопов.

– Торжественная встреча по случаю нового года.

– Года какого?

– Так 1917-й, как восемнадцать часов наступил.

– Где празднуем?

– Александровский дворец...

Курлов отвечал на вопросы без промедления и запинки, как и положено военному человеку. Хотя по лицу его, на котором слегка выгнулась бровь, было видно, что вопросы смутили генерала. Чего бы вдруг господин министр изволит такое спрашивать? Протопопов кивнул в ответ коротко и, теряя к Курлову интерес, пошёл дальше, послушать, что ещё обсуждает народ.

Понятно.

Значит, идёт 1 января 1917 года.

Александровский дворец.

Царское село.

Протопопов, впитывая в себя новую информацию, услышал, как в компании из четырёх человек напротив обсуждают небезызвестного генерала Брусилова, который, по словам говорившего графа Толстого, поднимал накануне шампанское и божился едва не на кресте, что победа России в войне будет одержана уже в этом году.

Протопопова нагнал Курлов, теперь уже с бокалом в руке.

– Кажется сегодня «Родерер»¹ подают, Александр Дмитриевич. Да и за такие слова, как произнёс Алексей Алексеевич грех не выпить, – сказал он.

– Покрепче что есть? – поинтересовался Протопопов. – Водки хочу.

Сейчас бы жажнуть грамм двести холодненькой... Пил он редко, никогда не злоупотреблял и справлялся со стрессом иначе, даже с недавних пор медитации освоил, но сегодня случай особый, из ряда вон. И голова гудит как с бодуна, а с бодуна вернее всего – похмелиться.

– Так Государь против, велел водку не подавать, – вздохнул Курлов так, будто сам не отказался бы заложить за воротник стопку и быстро облизал губы, отглотнув шампанского.

Протопопов припомнил, что Николай II действительно боролся с водкой с начала Первой Мировой² поэтому только кивнул.

– Сам Государь где?

До настоящих пор Николая видно не было. А поглазеть на живого царя-батюшку ой как хотелось.

Курлов, было поднесший к губам бокал, замер, бокал опустил, покосился на господина министра.

– Так вы же с ним сегодня говорили, перед тем как он в покои ушёл.

Протопопов не ответил. Пошевелил рукой, сжал кулак один другой – как влитое тело. До сих пор с трудом верилось, что вот так обернулось все. Он просил дать ему шанс?

Получите, распишитесь.

Мелковат, конечно, господин министр, непривычно смотреть на народ снизу вверх прирожденному тяжеловесу, но это дело привычек.

Приспособимся.

Будучи человеком внимательным, так сказать по специфике свой «трудовой деятельности», Протопопов заметил, что последние несколько минут на него пялятся один из гостей. Высокий лоб, волосы зачёсаны назад и уложены, усики, как у современных полковников ментов на круглой роже. Видно, что не голодает. И рожа такая мерзкая, что ударить хочется. Не сразу, но Протопопов распознал в нем депутата Государственной Думы IV созыва Маркова Николая Евгеньевича. Заметив, что на него обратили внимание, Марков Второй, как его ещё называли тут, засеменил по направлению Протопопова, высоко поднимая бокал.

– Ваше превосходительство господин министр!

---

¹ Французское шампанское. В начале XX века Николай II присвоил дому Louis Roederer статус официального поставщика Российского императорского двора

² 16 сентября 1914 года в Российской империи вступил в силу закон о запрете продажи водки на всей территории страны до окончания Первой мировой войны

Протопопов заметил, как при появлении Маркова у Курлова резко пропало настроение, и он демонстративно отвернулся. Марков не обратил на это внимания, уставился на Протопопова, который продолжая привыкать к новому телу, и в этот момент широко открывал и затем закрывал рот, одновременно двигая челюстью по кругу. Дождавшись, пока Протопопов кончит разминку, Марков осторожно продолжил:

– Я, собственно, помимо прочего вот по какому вопросу. Уверен, что вам известно и для вас не станет секретом, что князь Львов накануне усилил попытки повлиять на Государя в вопросе создания правительства, ответственного перед Думой, – Марков огляделся, пригладил двумя пальцами свои жиденькие усы и чуть тише продолжил. – Я, как ваш старый друг, так сказать, хочу предостеречь вас господин министр, потому как злые языки говорят, будто князь Львов накануне поручил Хатисову переговорить с его высочеством великим князем Николай Николаевичем.

– И кто говорит? – откликнулся Протопопов.

Марков, видимо поджидавший такой вопрос судя по тому, как он вздрогнул, все же ответил сразу.

– Ну как-то слухи в основном, там сказали тут сказали, а я в общем то общую картину составил дабы вам Александр Дмитриевич рассказать.

– Так рассказывай? Че ты мнешься.

Марков Второй снова огляделся, как будто разговаривает он не с министром внутренних дел, а с каким-нибудь забугорным разведчиком, что само собой не понравилось Протопопову. Да и сам Марков ему нравился едва ли, он производил впечатление того ещё жополиза, искусённого и пронырливого. Таких Протопопов на дух не переносил.

– Скажу так, – продолжил Марков. – Я как слышал о слухах, так понял сразу, что на фоне волнений среди их высочеств великих князей, подобные визиты, мягко скажем, настояраживают. Тем более его величество великий князь Павел Александрович, ну вы знаете Александр Дмитриевич, наверняка, – замялся Марков. – Он в числе первых, кто рекомендует сменить вас на посту министра. Да и его высочество великий князь Михаил Александрович ходил к Государю по просьбе Брусилова и Родзянко по тому же вопросу...

Протопопов даже улыбнулся внутренне, внешне то он себе подобные слабости не позволял и давно научился контролировать собственные эмоции, дабы не считали. О Брусилове и о том, что этот генерал ссучился, он знал хорошо. Сейчас же Алексей Алексеевич делал хорошую мину при плохой игре. Поднимает бокалы за победу, а за спиной заговор готовит, сучья морда.

Протопопов отметил снова про себя, что несмотря на попытки быть полезным, Марков ему совершенно не нравится. Душный и липкий тип. Смотрит, как собачонка преданная.

– Свободен, – строго сказал Протопопов.

– Э... – протянул Марков несколько растерянно, видимо прежний министр давал другую реакцию на подобные доносы. – Просто хотел предупредить, что сюда с минуты на минуту прибудет Родзянко, который принимает во всем этом бардаке самое деятельное участие и никак не уgomонится.

Протопопов в ответ зыркнул на депутата так, что тот сразу ретировался в толпе.

Курлов, молчавший весь разговор, теперь подал голос:

– Деньги казенные отрабатывает, – сказал он, морща лоб, что по всей видимости означало крайнюю степень недовольствия. – Я бы на вашем месте прекратил давать ему подачки. И посмотрел, как он себя поведёт тогда.

– Вот будете на моем месте, тогда и распоряжаться будете, – Протопопов понюхал по привычке шампанское и махнул одним глотком половину бокала, чем вызвал изумлённый взгляд Курлова.

То ли пить так было не принято господину министру, то ли Протопопов не был привычен в своём предыдущем теле закладывать за воротник.

– Принеси-ка ты мне ещё выпить, – Протопопов вручил генералу пустой бокал, чем ещё более обескуражил Курлова, но тот не послушался. Кивнул и отправился за шампанским.

Не то чтобы Протопопов собирался напиваться, хотя с трещающей по швам головой, это было под стать. Нет, просто хотел избавиться от Курлова и привести в порядок мысли. Мысли старого министра врывались в голову министра нового не так натужно, как в первые несколько минут, и теперь осваивались в сознании куда мягче, но он до сих пор к этому не привык, ощущая определенный дискомфорт.

Однако и без этих мыслей наш герой хорошо знал, кто такой Александр Дмитриевич Протопопов и чем кончилась для него последняя должность министра внутренних дел.

Расстрелом.

Протопопов нынешний не имел ничего против расстрела Протопопова прежнего, ибо считал, что собаке собачья смерть, особенно после того, как Александр Дмитриевич ссучился, начав сотрудничать с новой властью. Но оказавшись в его теле, наш герой твёрдо решил изменить ситуацию. И уж точно не намеревался откладывать дело в долгий ящик. Потому следовало поскорее включаться в события 1917 года тем более, что тебе волею судьбы отведена в них ключевая роль.

Ну а потом двери в Большой зал Александровского дворца открылись и Протопопову, раздумывающему о своём новом положении, сперва показалось, что на торжество вернулся сам Государь, потому что все гости резко замолчали и устали на вход, разве что не затаили дыхание.

Государь в Большой зал не пришёл, но на пороге появился крупный мужчина больше похожий на советского типичного фрезеровщика из чёрного цеха. Протопопов узнал его сразу и не только благодаря «новой» памяти. Эту наглую морду он видел не раз со старых черно-белых фотографий.

Родзянко Михаил Васильевич.

Олицетворение борьбы за свободу образца «1917».

И многолетний председатель Госдумы, товарищем которого в своё время являлся сам Протопопов.

По душе обновлённого министра тотчас растеклось неприятное ощущение. Чувство непомерной брезгливости, как если наступить в кучу навоза. Протопопов аж поджался весь против своей воли – видимо прежний Александр Дмитриевич ненавидел Родзянко всей душой и искренне. И было отчего.

Председатель держался уверенно, широко улыбался и приветственно жал руки гостям.

Протопопов все это время сверлил Родзянко тяжёлым взглядом, который тот нет сомнения чувствовал, но избегал. А министр чувствовал, что между ним и Родзянко³ очень много напряжения и недосказанности, что неудивительно, потому как Михаил Васильевич считал министра внутренних дел предателем, подлецом и лжецом, о чем неоднократно высказывался публично.

Председатель подошёл к церемониймейстеру барону Корфу и обер-церемониймейстеру Толстому и принялся с ними что-то живо обсуждать. Потом резко развернулся и пошёл в совершенно противоположную сторону зала. Могло показаться, что он шёл туда лишь для того, чтобы не встретиться с Протопоповым лицом к лицу. Корф двинулся к министру внутренних дел и подойдя виновато, с несколько придурковатым видом улыбнулся.

– Господин Протопопов, вынужден передать вам слова господина Родзянко, который просил вас предупредить, что ему крайне нежелательно ваше общество сегодняшним вечером...

Наверное, Павел Павлович говорил бы и дальше, искусно обученный построению речевых оборотов, но Протопопов мягко отодвинул старика и двинулся напрямик к Родзянко, сто-

---

³ Встречал разные варианты написания фамилия Родзянко, в книге остановился на том, что фамилия не склоняется.

явшему к нему спиной. Не привык Протопопов замалчивать проблемы и копить обиды, так на нервах геморрой может вылезти, как говаривали ему в урологическом кабинете. Поэтому, если Родзянко имеет что против него, то пусть скажет все в лицо. По твёрдому разумению министра, выработанному практикой лихих 90-х, если вопросы появлялись их надо непременно решать. Вот и решил Александр Дмитриевич поинтересоваться – есть ли вопросы у Михаила Васильевича по его душу. Спросить с председателя так, как он умеет и как привык.

Прямо и в лоб.

Поэтому пошёл на пролом к Родзянко и уже приблизился вплотную, когда думский председатель резко развернулся. При виде Протопопова у Родзянко округлились глаза в изумлении, он вскинул руку и отшатнулся от протянутой Протопоповым руки.

– Нигде и никогда!

Рука Протопопова повисла в воздухе. Он сверлил Родзянко глазами.

– Уверены, Михаил Васильевич, я ведь с миром пришёл по первой. Перетереть по нашим вопросам есть желание.

– Оставьте меня, вы мне гадки, – последовал ответ.

Лицо Родзянко исказила гримаса неподдельного отвращения. Протопопов при этих словах опустил руку, но лишь для того, чтобы выхватить трость у стоявшего рядом Глинки. Тот растерянно вскинул руки и попятился.

Взмах.

Трость со свистом ударила по толстой заднице председателя Госдумы. Родзянко заверещал, не столько от боли, сколько от понесённого смертельного оскорбления. Подумать только, ЕГО, господина председателя Думы, отхаживают тростью по заднице, все равно что холопа, да ещё на глазах высшего Петроградского света. И кто отхаживает – ненавистный всем министр внутренних дел, этот Цербер старых порядков, законченный негодяй и безумец.

– Вы... вы... – верещал Родзянко, задыхаясь от возмущения и хватаясь обеими руками за пятую точку, спасаясь.

Ещё взмах.

Новый удар.

Помимо того, что Протопопов покрывал Родзянко несмываемым позором, так ещё трость Глинки как нельзя кстати подходила под задачу. С первого же удара порвала господину председателю брюки на заднице, в клочья. Вторым ударом оставила на белой коже филейной части ярко-красный след, принявшийся растекаться лиловым. Ближайшие несколько дней Родзянко и думать не сможет, чтобы сидеть и даже лежать на спине.

Протопопов взмахнул третий раз, но тут опомнились окружающие. Глинка повис на руке министра. Ещё трое, в их числе Толстой и Бобринский, закрыли собой ошалевшего Родзянко и попытались его оттащить с «линии огня». Курлов и не пойми откуда взявшиеся правый Радкевич и националист Ознобишин повисли на Протопопове. Ему ничего не стоило скрутить всех троих в бараний рог и разбросать бросками, но дело было сделано. Протопопов выбросил трость прямо в графа Бобринского, который вскрикнул от неожиданности. Палка угодила тому прямо в лоб, где у графа тут же надулась шишка. Министр смачно сплюнул на пол, прямо под ноги Родзянко.

– Я его задушу собственными руками! Пустите меня! – визжал Родзянко, извиваясь в объятиях других господ.

– Убью! – завизжал граф Бобринский, следом теряя самообладание.

Теперь уже держать приходилось обоим.

В зале разом повисла гробовая тишина. Все наблюдали за разыгрывающейся драмой и ждали ее окончания. Как так-то – мелкий и слабый министр полез на огромного и сильного думского председателя, за которым народная власть. И зацепил к тому же правого националиста Бобринского.

– Уходим Саш, ты чего, – шептал Курлов, оттягивая взбеленившегося министра к выходу.

Протопопов пятился, наступил на оброненные очки Толстого, но все еще переводил с Родзянко на Бобровского испепеляющий взгляд, по злему улыбаясь. И надо признать, что яйца у председателя Думы имелись. Он выпрямился, хотя один Бог знает, каких ему стоило трудов взять себя в руки. Мокрый, взмыленный, со взъерошенными волосами и красными выступившими на бледном лице пятнами.

– Вам это даром не пройдет! – процедил он металлическим голосом, сквозь стиснутые зубы, первым придя в себя. – Мой друг будет у вас завтра в полдень. Я надеюсь, что вы не откажете мне в моем требовании, как некогда отказали Бобринскому!

Что значили эти слова, Протопопов понимал – Родзянко требовал сатисфакции. И открыто указывал на то, что по его разумению, Протопопов избежал дуэли с графом Бобринским, который имел неосторожность назвать министра холопом под шумные аплодисменты думского большинства 19 ноября 1916 года. Именно Родзянко не дал тогда Протопопову сказать слова с думской трибуны в своё оправдание и ответить на клевету и нападки. Дуэль не состоялась по той причине, что Протопопов нашёл письменные объяснения графа Бобринского исчерпывающими и достаточными.

Сам граф сейчас наблюдал за происходящим с явной усмешкой в своём взгляде. Он, по всей видимости полагал, что только что Протопопов устроил себе политические похороны и напросился на отставку.

Но чьи похороны предстоят – это только требовалось выяснить. Протопопов в оригинальной истории дважды отказывался от дуэлей и проглатывал оскорбления, теряя свой политический вес на глазах и ссылаясь на невозможность участия в дуэли царского министра без одобрения Государя. Протопопову новому предстояло отстоять свою честь. Понимая, что он не имеет право бросать дуэль без ведома и позволения свыше, следовало спровоцировать конфликт, чтобы дожидаться обратный вызов.

Наблюдать за тем, как на его глазах всходит революция, министр не собирался и действовать намеревался крайне решительно, но вовсе не бездумно.

Глава 2

1917 год, январь 3,
Петроград, Набережная реки Фонтанка, дом 57.

«Если выяснится, что ты не мусор, а честный фраер, дам я тебе денег».

Фильм «Место встречи изменить нельзя».

– Сколько-сколько, Пётр Карлович, ну-ка повтори?

– Дефицит Министерства внутренних дел составляет 6 миллионов рублей, – прокаркал Лерхе, вице-директор и заведующий счетной частью министерства.

Протопопову показалось, что он в первый раз ослышался, когда ему назвали сумму в 6 миллионов рублей дефицита, потому что со здешней связью толком не разберёшь, что говорит собеседник. Но нет же, Пётр Карлович повторил один в один цифры, повысив голос, чтобы слышно лучше было. Да еще так уверенно об это говорил, как будто Протопопов поинтересовался, который сейчас час. На минуточку, если примерно перевести тогдашние деньги в современные деревянные, речь пойдет о порядке 6 миллиардах!

Протопопов, который знал деньгам цену и счёт, аж закашлялся от новых выходных.

Поплохело сразу.

– А теперь ещё раз любезный, ты предлагаешь мне выделить двадцать тысяч рублей Маркову при многомиллионном дефиците? – прорычал Протопопов в трубку.

– Я предлагаю? Извольте не согласиться, это вы велели выделить на Николая Евгеньевича рубли из секретных средства, – ответил Лерхе, судя по голосу, немного смутившись от тона вопроса, да и от самого вопроса тоже.

– Отменить!

– Будет сделано...

Протопопов уже собрался положить трубку и наконец-то прочистить ушную раковину пальцем, потому как от треска из динамика натурально звенело в ушах, но Лерхе встрепенулся:

– Господин министр!

– На проводе!

– Остальным платим?

– Это кому?

– Ну как кому, правым думцам, у нас ведь Марков не один такой, кто из секретных средств кормится.

– Фамилии?

– Господа Римский-Корсаков, Орлов, там у нас списочек согласованный...

– Отменить! И ещё, Пётр Карлович, приказываю подготовить мне детальный отчет по расходованию средств! – рявкнул Протопопов и съездил кулаком по столу, едва чашку с чаем не перевернул.

– Когда нужно подать отчет господину министру?

– Вчера!

– Господин министр, но...

– Отчет на стол!

Протопопов, не давая Лерхе опомниться, положил трубку с таким грохотом, что телефон аж звякнул, подпрыгнув на столе. Вице-директор ещё что-то болтал на линии, когда разговор был закончен.

Вон как оно оказывается – дефицита на 6 миллионов рублей. Прежнего министра это дела или министерство ему уже такое досталось, но такое положение дел не годится никуда.

Но оно и не мудрено, если платить по 20 тысяч деревянных Маркову и ему подобным, то за год сумма быстро набегит и растрат никаких не надо.

Протопопов понимал, насколько нелогичным могло показаться для Лерхе решение прекратить финансирование правых думцев, но ничего, свалить можно на Александра Дмитриевича. Как уже успел прознать Протопопов, народ в Петрограде от мало до велика талдычит о «буйстве» министра внутренних дел. Протопопов нынешний успел послушать, что господин министр якобы человек психически нездоровый, бегают на четвереньках и лают, как собака.

Вот на биполярочку прежнего Александра Дмитриевича и будем валить все без остатка. Отмену выплат правым, да и другие решения, которые только предстояло принять.

Шиза Протопопова была, пожалуй, самая обсуждаемая тема на повестке дня в Петрограде, ну а на первом месте всех газет были новости о предстоящей дуэли. «Русское слово», газета, которую прежний Протопопов выписал, сообщало:

«По позднейшим слухам, циркулирующим в кругах, близких к Государственной Думе, дуэль А. Д. Протопопова и М. В. Родзянко считается неизбежной»

Газетчики наперебой ломали копыя в рассуждениях – чей вызов примет господин министр. И подавляющее большинство отдавала приоритет Родзянко, потому как графа Бобринского Протопопов боялся и сторонился всячески. Вызов от Родзянко виделся журналистам чем-то само собой разумеющимся, но все сомневались, что дуэль состоится из-за мелочности и трусости Протопопова, которая была сродни притчи во языцех. Высказывались предположения, что министр внутренних дел прикроется «волей» Государя, чтобы избежать дуэли.

Протопопов, которого разговоры о собственной трусости, мягко говоря, не вдохновляли, тяжело вздохнул. В который раз подавил юношеский порыв взять пистолет, поехать к Родзянко, потом к Бобринскому (ну или наоборот) и порешать вопросы на месте. Нет, так здесь проблемы не решаются, это Протопопов успел понять – народ не поймёт, а поддержкой народа неплохо бы заручиться в самое ближайшее время. Как только? Хотел Александр этого или нет, но он попал в тело самого ненавистного министра из нынешнего кабинета правительства.

Протопопова здесь не просто недолюбливали, а ненавидели всеми фибрами души.

Нерукопожатный.

Невхожий.

Распутинец.

Эпитетов, которые охарактеризуют Протопопова в глазах других людей – тысяча. Обычно как бывает – говорят о человеке нехорошо, а ты дели пополам, половина сказанного – ложь и наговоры.

А с Протопоповым, так куда не плюнь – правда. Что не укор, так по делу. За несколько месяцев, что прежний Протопопов пробыл у руля министерства внутренних дел, он наворотил столько дел, что вокруг него не осталось друзей и почти не осталось сочувствующих его курсу. Последнее неудивительно, как такового, курса у министра попросту не было. Он как говно, всплыл на самую поверхность реки, а оказавшись наверху теперь плыл по течению, не предпринимая попыток что-либо серьезно изменить. И выходит, что не делал ничего толком, а портил все. Это потому, что обществу в это время нужны были перемены и оно могло смириться с чем угодно, кроме как с бездействием высшей власти.

«Любовь народную» Протопопов успел испытать на своей шкуре, пробыв не полных два дня в новом теле. И если на момент попадания наш герой понимал, что Александр Дмитриевич – это редкостный подлец и негодяй, исходя из своих прежних знаний, связанных с научными изысканиями по данному периоду. То теперь к нему возвращалась память бывшего Протопопова и все становилось по своим местам...

Да и без памяти все понятно – газеты последних дней, куда не плюнь, пестрили статьями, авторы которых твердили в унисон о надобности немедленной отставки министра внутренних дел и выдвигали требование назначения ответственного правительства.

Но любишь кататься – люби и саночки возить. Протопопов понимал, что, получив новое тело, не может отделить себя от накуралесившего министра. Тут уж деваться некуда – один бедокурил, другому разгребать.

Ладно, заслужено...

Да и положи руку на сердце, нынешний Протопопов на месте Родзянко тоже не подал бы руку Протопопову прежнему.

Будучи в своё время товарищем председателя Думы (да-да, этого самого М.В. Родзянко, с кем будущий министр пребывал в дружеских отношениях на тот момент), Протопопов ездил в числе думских делегатов в старушку Европу и слыл рьяным октябристом, не имея возможности «поправить» ни по происхождению, ни по части своего материального благосостояния. Больше того, ходили слухи (нынешний Протопопов этого не припоминал, но к нему не вся память вернулась на вечер 3 января), что назначению на должность министра способствовал сам Родзянко, лично хлопотавший за своего друга перед Государем. Ну а дальше закрутилось-завертелось, Протопопов оказался очарован Николаем II и «поправел» не по своему статусу, но по взглядам, что привело к резкому отторжению левых и даже думского центра. Своей сменой политических взглядов Александр Дмитриевич натурально нагадил не только левым, но и самому Государю, стремившемуся назначением октябриста-министра сблизиться с Думой.

Не вышло.

Тут какнул, там, желая того или нет, но позиция «говно в проруби» не довела до добра и аукнулась травлей. Сам Протопопов колебался абсолютно во всем, как в решениях, так и в позициях по тем или иным вопросам. Как итог – львиная часть срочных дел остались подвешены и не доведены до конца.

Достаточно сказать, что сумасшедшим его выставляли с той целью, чтобы хоть как-то оправдать полную политическую импотенцию. Впрочем, биполярка Александра Дмитриевича не помогла ему избежать расстрела большевиками. Что называется «и тебя вылечим» господин министр. Резюмируя все, что свалилось в подробностях на голову нашему герою, обновлённый Протопопов пришёл к выводу, что в условиях 1917 года министр внутренних дел подписал себе смертный приговор собственноручно.

И весь сегодняшний день Протопопов посвятил изучению «своих» промахов, вникая в дела. Круг проблем, которые рушились на голову снежным комом, был очерчен более-менее четко.

Во-первых, отсутствовал контроль снабжения столицы. Протопопов попытался некоторое время назад исправить ситуацию и хлопотал о смене градоначальника, в результате чего вместо Оболенского был назначен Балк, еще в ноябре. Но и Александру Палычу не удалось продвинуться в вопросе – губернские земства не намеревались отдавать столичное снабжение. Пытался Протопопов протянуть решение о передаче снабжения столицы через 87 статью положения о Думе, но тогдашний премьер Штуммер сделал все, чтобы Государь по итогу отменил собственное решение. По итогу губернские земства продолжали держать Протопопова на коротком поводке в вопросе снабжения Петрограда.

Во-вторых, не сумел Протопопов вывести войска из столицы. Начал Александр Дмитриевич резво, даже добился вывода Петрограда из-под административного контроля генерала Рузского. Но командующего округа генерала Хабалова не удалось убедить в надобности отвода из Петрограда частей. Результатом стало то, что фитиль на динамите в виде разношерстных полков белобилетников продолжал тлеть, готовый взорваться при случае. В Петроград не были введены проверенные полки с линии фронта, которые приглашал лично Государь и все огра-

ничилось приездом Гвардейского экипажа, который в ядре своём был настроен антимонархически.

В-третьих, у Протопопова не нашлось мужества и внутреннего стержня, чтобы выступить в Думе. Он не стал отражать нападки с трибуны ни как депутат (ему не дал этого сделать Родченко), ни как министр (против выступил Совет министров). Добиваться своего Протопопов не стал. Но взамен решил поиграть мускулами и выпросил у Государя перерыв Думы, а сам отправился в отпуск на Рождество, поставив вместо себя Куколя-Яснопольского. Степана Саньча пришлось отдельно назначать третьим товарищем министра в виде исключения и долго упрасивать, потому как другие товарищи Бальц и князь Волконский от такой «чести» отказались.

В-четвёртых, против господина министра сработало его детище – газета «Русская воля». Тамошняя редакция, создававшаяся как опора, целиком и полностью разочаровалась в господине министре и взятом им курсе, критикуя министерство внутренних дел со своих полос. Нагло и безапелляционно. В чем Протопопов, кстати убедился лично, прочитав сегодняшний выпуск «Русской воли», в котором жестко критиковалась выходка министра в Александровском дворце.

Список можно было продолжать: в-пятых, в-шестых, и дойти до десятичных величин. Поэтому Протопопов ожидал, что старый «багаж» станет следовать за ним по пятам и будет преподносить новые проблемы к уже имеющимся. Он ничуть не удивился, когда накануне звонка вице-директора Лерхе по вопросу финансирования Маркова Второго и других правых, ему было доложено, что в кабинете министров случился раскол. Так выяснилось, что Покровский, бывший без году неделя министром иностранных дел, жаловался на Протопопова Государю, призывал его пойти на уступки по созданию ответственного правительства, а слышав отказ, просил собственной отставки. Другой красавец, Голицын (этот вовсе был премьером всего несколько дней) вчера был у царя с докладом и доложил о случившемся в Александровском дворце. Тоже просил отставки Протопопова, завершившись поддержкой кабинета... Понятно, что ни тот, ни другой не посчитали нужным уведомить Протопопова о своей возне вокруг министерского кресла и намеривались убрать его в тихую, в заочном формате. И признаться, Александр был немало удивлён, что при таком нажиме, царь не подписал указ об отставке Протопопова в тот же день. Но Николай II, насколько помнил наш герой из истории, никогда не принимал решение сгоряча. Смущало лишь то, что Государь не вызвал Протопопова на ковёр для разъяснений. Одновременно это наталкивало на мысль, что Государь единственный сохранял рассудок трезвым. Пообщавшись последние два дня с людьми из своего министерства, Протопопов услышал немало кривотолков на тему, что Государь не готов к переменам во время войны и ждёт весеннего наступления союзников, как маны небесной. Якобы по царскому разумению, удачное наступление войск автоматически снизит накал созревших в обществе противоречий, как это случалось 3 года назад.

Кстати, понятно почему в подобной ситуации Англия начала вставлять палки в колёса существующему режиму и через международный банк замораживала кредитование русских военно-промышленных предприятий. В туманном Альбионе не считали возможным допустить победу России с текущим самодержавным режимом, испугавшись взятого русским царём курса на интеграцию с американским финансовым капиталом. Воздух электризовали слухи, что США готовится вступить в войну. Ну и помимо прочего, победа сулила России овладение заветными черноморскими проливами, что в Англии считали недопустимым, хотя сами же и заманили Николая II подобным обещанием в войну... Собака лает, а караван идёт – Государь планомерно готовился к выступлению, для которого готовил плацдарм. Так только сегодня Протопопов узнал, что новым министром обороны назначен господин Беляев, долгое время бывший товарищем прежнего министра Шуваева. По причине подготовки плацдарма к наступлению была сделана перестановка премьера (хотя по нытью Голицына, который даже не попытался выйти на контакт с министром внутренних дел и по его контактам с Родзянко,

Протопопов не был уверен, что это верное решение, слишком слаб пожилой князь для 1917 года). Но, пожалуй, самым знаковым назначением Государя последних дней стал приход на должность председателя Государственного Совета Щегловитова, бывшего министра юстиции, который ставил перед собой задачу на корню пресечь левые взгляды, вредные и нездоровые для самодержавия. Сам Протопопов полагал, что именно этого человека следовало поставить на должность премьера, но царь старался лавировать по центру между разными политическими течениями и учитывать беспокойства политических направлений.

Другими словами, резюмируя пласт информации, оказавшейся в его распоряжении, Протопопов сделал вывод, что попал в самый центр клубка гадюк. Опыт поиска выхода из непростых ситуаций у Протопопова имелся колоссальный, иначе бы ему ни за что не удалось выжить в жёстких криминальных войнах 90-х. Но и бандиты современной России были ни чета тем людям, которые вращались вокруг престола в самом начале 1917 года. Не было в уголовниках по большей части того дерьма, что в Российской Империи периода заката, встречалось повсеместно. Каждый здесь тянул одеяло на себя и по большей части эти люди виделись Протопопову недоговороспособными мудаками, не имевших ни принципов, ни (если копнуть чуточку глубже) убеждений. Таких в России времён 90-х называли отморозками, и разговаривать синими было особо не о чем, да и незачем.

Только мочить.

Но есть как есть, Александр не намеревался врубать заднюю и думать даже об этом не хотел, зря что ли просил у смерти отсрочки, чтобы довести дело своей жизни до конца. Сейчас у Протопопова появлялся отличный шанс предотвратить то, что впоследствии привело к гибели его родни. Он вспомнил, как клялся отцу на смертном одре, что отомстит. И вот судьба давала ему шанс сдержать слово. То самое обещание, которое осталось неисполненным в прошлой жизни.

Для себя он твёрдо решил, что распутает клубок гадюк и если надо, то не станет выбирать методов.

Размышляя, весь день, погружаясь в текущие дела с головой, Протопопов совершенно позабыл о том, что на сегодня у него назначена дуэль с Родзянко и графом Бобринским. Именно так, начав на каноны и правила дуэли, которые здесь было принято соблюдать неукоснительно, Протопопов выразил намерение стреляться сразу с двумя подлецами, чем ошарашил своего секунданта. Протопопов понимал, что для осуществления задумки следует прибегнуть к золотому правилу «меньше знаешь – крепче спишь», поэтому попросил своего секунданта утаить от других участников дуэли это дерзкое намерение. Пусть каждый из них думает, что министр принял именно его вызов.

О близящихся дуэлях Александру напомнил явившийся в его кабинет Курлов, собственнно являвшийся его секундантом.

Мокрый, щеки в румянце. Пришлось помотаться по Петрограду, выполняя поручения бывшего сослуживца. Протопопов вымерил его строгим взглядом, поднялся из-за стола, ожидая, когда генерал заговорит. На самом деле удивительно осознавать, что Курлов при том тоне фекалий, что выплеснул на генеральскую голову Протопопов, не отвернулся от Александра Дмитриевича, как остальные. Министр в своём духе устроил генералу чехарду при назначении своим товарищем и спровоцировал нападки на Курлова со стороны думцев. Для генерала, не до конца отошедшего после событий, связанных с убийством Столыпина, новый град нападков лёг тяжким бременем.

Выдержал, однако.

И стать секундантом тоже не отказал, взамен прежним секундантам времён первого конфликта с графом Бобринским, которые по разумению нашего героя были известны прессе и могли испортить весь план по двойной дуэли.

Протопопов, конечно, смутно припоминал, что Курлов предпринимал попытки уговорить министра внутренних дел покинуть свой пост и ратовал за прогрессивные реформы. Тем более удивительно, что в ссоре с Родзянко он согласился стать министерским секундантом. С другой стороны, помнил Протопопов и жгучее желание Курлова распустить Думу, возможно как раз с этим было связано желание генерала способствовать намечающейся дуэли.

– Присаживайтесь, – пригласил Протопопов.

Курлов сел на стул, устраиваясь удобнее.

– Фух, забегался я с вашими делами. Дайте отдышаться.

– Чай, кофе будете?

– Воды, пожалуйста, запыхался я.

Протопопов подошёл к столу, плеснул воды из графина в стакан, протянул Курлову. Дождался, пока тот напьётся. Наблюдая за генералом, вдруг отчётливо припомнил последний разговор со своим тогда ещё товарищем. Курлов, предлагая распустить Думу, указывал на необходимость скорейших реформ, поскольку общественные организации, которые как раз отчасти представляла Дума, в последнее время стремительно набрали популярность в массах. Курлов рассуждал, что роспуск Думы без одновременной публикации законов о наделении крестьян землей и уравнивании населения в гражданских правах – необходимое, но опасное явление. Если старая память не подводила Протопопова, то следовало согласиться, что генерал мыслит здраво и обоснованно. Однако прежний министр, следуя своей фирменной «логике», оставил предложение сослуживца без внимания.

– Уф, напился, – сказал Курлов и отставил на стол стакан.

– Рассказывайте.

– Ну-с, господин министр, прежде чем начать, считаю важным вам лично сообщить, что, если все сложится удачно в намечаемом нами деле, я попрошу у вас новой встречи, чтобы провести серьёзный разговор.

– Замётано.

Протопопов знал, что в свете названных выше причин и полного игнорирования пожеланий, Курлов всерьёз рассматривает возможность отставки. Как помнил и то, что в оригинальной истории, генерал подаст в отставку через 2 дня. Наверняка «серьёзный разговор», который просил Курлов был так или иначе связан с этим вопросом.

– Ну, тогда перейдём к нашему текущему делу, с вашего позволения.

– Я уже как минуту внимательно слушаю, когда вы начнёте, – Протопопов выдвинул стул из-за стола, повернул спинкой к Курлову, придвинул стул ближе к генералу и сел на него, опершись руками о спинку. – Весь внимание.

– Итак, как вы и просили, мне довелось разговаривать поочерёдно с секундантами господ Бобринского и Родзянко. Результаты следующие, – Курлов несколько смутился близости Протопопова, что отразилось на его лице сразу в виде вспыхнувшего с новой силой румянца. Потянулся за стаканом с водой, но обнаружив, что стакан пуст, продолжил. – Обе стороны приняли ваше пожелание стреляться на Волковом поле и выдвинули в ответ пожелание стреляться на смерть.

Курлов все-таки поднялся со стула, сделав вид, что не напился и двинулся к графину. Плеснул воды в стакан, сделал несколько глотков для порядка.

– Вкусная водичка у вас.

– К делу.

Генерал сделал ещё один маленький глоток.

– Обе стороны выбрали пистолеты и расстояние в три шага, а Родзянко обозначил, что сильно оскорблён и намерен стрелять из личного пистолета. Оба настроены крайне серьёзно и поверьте, Саш, оба готовы умереть.

Курлов, держа стакан, сел обратно на стул и посмотрел в глаза Протопопову.

– Такие дела. Вы как? Не передумали... вы все-таки министерский человек, господин Протопопов, человек государственный. Ладно, Бобринский, но Родзянко, это ведь символ революционных настроений Петрограда. Представьте, какого будет, если господин министр внутренних дел убьёт этот символ своими руками, ну и чем это грозит для Государя...

Протопопов положил руку на плечо генералу и крепко сжал.

– Не передумал, уважаемый, во сколько стреляться будем?

– Предлагают завтра по полудню, – Курлов заметно побледнел.

Возможно, у генерала сохранялась надежда, что конфликт этот не то, чтобы разрешиться, но исчерпает себя ввиду государева вмешательства. Однако Протопопов строго настроено запретил вмешивать сюда Государя и что-либо докладывать в Царское село. Что касается Родзянко и Бобринского, оба были обижены и чувствовали себя униженными настолько, что не считали возможным выходом из ситуации любой другой результат, кроме смерти обидчика.

– Соглашаемся, – Александр кивнул, принимая предложение секундантов стороны противника. – Стреляемся насмерть.

Глава 3

1917 год, январь 3,
Петроград, Набережная реки Фонтанка, дом 57.

«Какие-то 90 % политиков портят репутацию всех остальных».

Генри Киссинджер

Остаток вечера 3 января выдался напряжённым, но крайне продуктивным. Протопопов окончательно привык к новым условиям, которые были безусловно более стесненные, чем там, откуда он сюда попал. Отсутствовал интернет, телевидение, тренажерные залы, а сама жизнь выглядела куда более размеренной и вялотекущей. Все это доставляло энергичному Протопопову определенный и известный дискомфорт, но ни в коем случае не сковывало. Александр, как человек прошедший часть своей жизни в местах не столь отдалённых, где жизнь далеко не сахар и по головке тебя никто не гладит, легко адаптировался к новым реалиям и даже находил их не просто удовлетворительными, а подходящими имеющимся задачам. Наверное, любому другому человеку, окажись он на месте Протопопова, долго пришлось бы привыкать к манере общения и тому, что каждое сказанное слово здесь имеет далеко идущие последствия. Тут же нельзя было просто брякнуть ради красного словца, но за базаром Александр привык не только следить, но и за гнилой базар спрашивать. Что касается комфорта, то, где наши не пропадали – Александр соорудил прямо в своем кабинете качалку из подручных средств. И охотно занимался в свободное время тем, что приводил свое новое тело в надлежащую физическую форму.

Вечером 3 января Протопопов все больше вспоминал, разговаривал с людьми из министерства и изучал материалы из донесений своего ведомства и из газет. Как человек умеющий отделять зерна от плевел, министр зафиксировал новые выводы. Все эти телодвижения вокруг так называемого Прогрессивного блока, объединившего думских левых, как и возле Думы как таковой – мышьяная возня общественных верхов. И отчасти даже способ отвлечь внимание власти от революции настоящей. Все что могут думцы в своём большинстве – кидать предьявы с трибуны, разоблачать и т. д., и т. п. Вот только эта суэта, начинаясь в думских кругах, по большей части там и заканчивается. Абсолютное большинство населения страны неграмотны в принципе и высеры думских, публикуемые на полосах газет, не воспринимают. У простого народа не хватает тямь разобраться в перемудренных хитросплетениях кадетов и октябристов, хотя последнее время стало модным чтение вслух, рассчитанное на большую аудиторию. Поэтому все их послы, призывы и революционные чаяния не просачиваются к низам, продолжая вариться и впитываться буржуазной верхушкой, коей в процентном соотношении с рабочими и крестьянами – кот наплакал. Составляя большинство на верхах, они являются абсолютным меньшинством в низах, поэтому продолжают вариться в своём соку без толку, и абсолютно безопасны. Считаться с ними, конечно, стоит, потому как Государь последнее время прислушивается к «оппозиции» и даже назначения некоторые проводит ей в угоду, но не более. Думы уже распускали не раз, по всем общественным организациям сидели агенты министерства внутренних дел... Реальную силу, этакого «спящего гиганта» представляли совершенно другие люди, вот их на буржуазной верхушке было абсолютное меньшинство, зато именно у них не мытьем, так катаньем получалось достучаться к части населения, не охваченной пропагандой буржуазного большинства. Эти сидели в комитетах и народных группах и направляли настроение и градус народных волнений в нужное русло. Причём делали это довольно умело, надо отдать им должное.

К вечеру 3 января Протопопов не просто знал этих людей поименно (знать то он их и до этого знал), но и успел навести справки по каждому. Вся имеющаяся в министерстве информация на лидеров радикалов лежала у него на столе пачкой бумаг.

Васильев, собственно притащивший отчеты Протопопову с недовольной рожей (заставил его Александр Дмитриевич поработать, чего уж там), клятвенно заверил, что «держит за жопу каждую революционно настроенную собаку» и «не даёт им вздохнуть без ведома».

– У нас же там свои ребята повсюду сидят, контролируют, нашли, о чем беспокоиться, господин министр, – говорил Директор департамента полиции. – Абросимов копает под рабочую группу. Аресты идут полным ходом. Вы же смотрели отчеты, господин Протопопов. Дела идут. Мы держим руку на пульсе революционных настроений.

Васильев положил на стол две толстые папки бумаг: писульки по ряду задержаний, датирующихся периодом 9 – 19 декабря 1916 года и совсем свежее – в ночь на 1 января 1917 года. Протопопов взял их, полистал, выборочно изучил, но наткнулся, между прочим, на отчёт Глобачева для Васильева.

Заинтересовался.

Начальник Петроградского охранного отделения сообщал, что, несмотря на произведённые задержания, руководящий комитет социально-демократической партии большевистской фракции уцелел и предположительно готовит попытку проведения демонстраций к годовщине Кровавого воскресенья 9 января.

Заинтересовался Протопопов потому, что накануне прихода Васильева, министру донесли, что в Москву приехал в срочном порядке господин Терещенко из Киева, собственной персоной. Местный «олигарх», тесно переплетённый с общественными организациями, среди прочего – товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. В докладе по Терещенко значилось, что предположительная цель срочного визита – встреча с Родзянко. Протопопов не был уверен, что приезд Терещенко прямо или даже опосредованно связан с конфликтом министра и председателя в Александровском дворце (слишком мало времени прошло). Но понимал, что Михаил Иванович приехал не просто так. Скорее всего, столь неожиданный приезд связан с фигурой Гучкова, старого знакомого Протопопова, некогда близкого друга, а теперь ярого противника министра, который с наступлением нового года мутит воду. И занимался тем, что пытался усилить свои позиции в Петрограде (стоило помнить, что Гучков активно отрабатывал великого князя Николая Николаевича в эти дни). Впрочем, достоверная причина приезда Терещенко и его возможные последствия, оставались неизвестны для Александра Дмитриевича. Но если здесь действительно замешен Гучков – дела дрянь. Этот бродяга спит и видит переворот вплоть до царевубийства.

Протопопов вернул документы на стол и поблагодарил Васильева за службу.

Тот довольный собой спешно удалился.

Картина складывалась.

И пусть все манипуляции шли мимо Протопопова, он понимал, что потребуется время для погружения в ситуацию.

Протопопов задумчиво простучал пальцами по столешнице. Поскольку министр не имел привычки исключать любые даже самые мало-мальски возможные варианты, необходимо быть готовым к тому, что Терещенко явится на дуэль, и они с Родзянко попытаются использовать сатисфакцию, как способ устранения неудобного элемента с политической арены. Министр не знал, насколько распространены здесь подобные методы, но готовым необходимо быть ко всему (наверняка не за просто так Протопопов передвигался по Петрограду в сопровождении охранников).

Окончательно ситуация прояснилась, когда в кабинет министра явился Глобачев с докладом. Причём явился поздно, Протопопов накануне днем велел ему подготовить развёрнутое сообщение по обстановке в Петрограде.

– Господин Протопопов, – Глобачев растеряно и как-то виновато улыбнулся, коротко так. – Не поздно изволю вас тревожить?

– Чего надо?

– Доклад готов, как вы просили. Разрешите доложить!

– Разрешаю, – министр движением брови указал Глобачеву на стул с другой стороны стола.

Тот шажками, шажками и плюхнулся на стул, держа в руках напечатанный на машинке донос на несколько листов.

– Зачитать?

– Валяйте. Хорошо подготовились то?

– Я по-другому не умею, вы же знаете господин министр, – крикнул Глобачев, наслонявил подушечки пальцев, напялил очки и кашлянув, начал зачитывать с бумаги хорошо поставленным голосом.

Протопопов взял себе чистый лист бумаги, карандаш и приготовился делать пометки. Глобачев удивленно взглянул на эти манипуляции, что указывало по всей видимости на то, что прежний министр работал по-другому.

– Передают, как слух, о том, что накануне минувших Рождественских праздников или в первые дни таковых состоялись якобы какие-то законспирированные совещания левого крыла Государственного совета и Государственной Думы, – начал Глобачев. – На совещаниях этих был намечен целый список представителей Правительственной власти, пребывание коих на занимаемых ими постах считается нежелательным и об удалении коих якобы постановлено было просить или ходатайствовать пред Высочайшей Властью⁴.

Глобачев сделал паузу, взглянул на Протопопова поверх очков. Тот сделал несколько пометок на своём листе, кивнул – мол, продолжай.

– В какой форме может и должна вылиться подобного рода «просьба» и действительно ли состоялись подобного рода совещания, точно и определенно неизвестно, но, во всяком случае, на эту тему в настоящее время очень много говорят и указывают, что во главе означенного «списка» стоят фамилии члена Государственного совета Щегловитова и Министра внутренних дел. Ваша в смысле...

Глобачев снова сделал паузу, видимо приученный к тому, что Протопопов обычно задавал вопросы в таких вот интересных местах повествования, однако министр снова только лишь накалякал закорючку в своём листе и кивнул – дальше. Глобачев поерзал на стуле, набрал полную грудь воздуха:

– Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи, одинаково, как о намерениях Правительственной власти (в смысле принятия различного рода реакционных мер), так равно и о предположениях враждебных этой Власти групп и слоев населения (в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов). Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как резких революционных вспышек, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем «дворцового переворота», предвозвестником коего, по общему убеждению, явился акт в отношении «пресловутого старца».

Глобачев видел, как при упоминание ЕГО, как здесь называли Распутина, Протопопов сделал ещё одну пометку своим карандашом и отчего-то поёжился весь, подобрался.

– Среди подобных хаотических суждений, толков и слухов особенно внимание обращают на себя всюду и везде повторяющиеся разговоры и толки о терроре, как о явлении не партий-

---

⁴ Текст взят из записки главы охранного отделения о Государственной Думе и воспроизведен по изданию: Буржуазия накануне Февральской революции. – М. – Л., 1927. – С. 161–163. Буржуазия накануне Февральской революции. – М. – Л., 1927. – С. 161–163.

ного характера, а общего. В указанном отношении слухи о вероятных возможностях проявления террора обычно связываются в общественных передовых кругах с вопросом о вероятном при настоящей обстановке окончательном роспуске Государственной Думы...

– Роспуске говоришь? – уточнил Протопопов.

– Так и сказал, – согласился Глобачев.

Министр зафиксировал.

– Настоящий политический момент в сильнейшей степени напоминает собою обстановку событий, предшествовавших революционным эксцессам 1905 года. Как и тогда, все началось с бесконечных и бесчисленных съездов и совещаний различных общественных и земских учреждений и организаций, упорно и повторно выносивших, несмотря на усиленные противодействия Правительственной администрации, схожие резолюции политического характера, резкие по существу, но, несомненно, в весьма малой и слабой степени выражавшие истинные размеры недовольства широких народных масс населения страны. Как и тогда, эти резолюции широко распространяются в населении и, естественным образом, в первую голову и более всего должны воздействовать на неуравновешенные круги молодежи вообще и главным образом учащейся. Как и тогда, результаты подобного рода воздействия сказываются и сейчас. Настойчиво и упорно сейчас утверждают в обществе о предстоящих уже в текущем месяце длительных и резких выступлениях учащейся молодежи, лозунгом каковых выступлений явится протест против настоящей политической обстановки вообще и назначения реакционного министра народного просвещения, в частности. Весьма вероятно, что эти студенческие беспорядки в конечном своем развитии увенчаются попытками к совершению террористических актов, хотя бы в отношении нового министра народного просвещения или министра внутренних дел, как главного, по указаниям нашей оппозиции, виновника всех зол и бедствий, испытываемых страной...

Протопопов зевнул, то ли от того, что речь затянулась, то ли от того, что на дворе ночь вступила в свои права. Но карандаш из руки не выпустил. Глобачев начал читать быстрее, без прежней расстановки и явно стал пропускать витиеватые обороты. Он то вообще думал, что доклад господин министр прочитает сам, вот и упражнялся в литературном мастерстве и словесных изысках.

– Как и в 1905 году, беспорядки молодежи найдут отклик в беспокойных рабочих кругах. Забастовки рабочих, их выходы и сочувственное к вышеуказанному отношению интеллигенции, – все это... – видно было, как Глобачев пропускает если не предложения, то выкидывает из предложений слова и переформулирует на ходу. – Спровоцирует выступления подпольных революционных партий, террор и уличные скандалы и беспорядки в ближайшем будущем. Далее... под влиянием различного отношения левых партий и прогрессивного блока к польскому и еврейскому вопросам перспективы грозных событий рисуются различно: Либеральная буржуазия верит, что, в связи с наступлением перечисленных выше ужасных событий, правительственная власть должна пойти на уступки и передать полноту своих функций в руки прогрессивного блока, и тогда на Руси... «все образуется»; Левые же утверждают, что Власть зарвалась, на уступки не пойдет и, не оценивая в должной мере создавшейся обстановки, логически должна привести страну к неизбежным переживаниям стихийной и даже анархической революции, когда не будет ни времени, ни места, ни оснований для осуществления кадетских вожделений и когда, по их убеждениям, и создается почва для «превращения России в свободное от царизма государство, построенное на новых социальных основах». Независимо от того, какое из мнений может оправдаться, отмечается беспокойство во всех слоях столичного общества, боящегося предстоящих катастрофических событий и мечтающего о том, как бы не пострадать при неизбежных проявлениях «красного и белого террора»: усиленно говорят о необходимости ликвидировать – кто может – дела, уехать в более спокойные места и переждать окончания приближающейся разрухи.

Глобачев наконец закончил и опустив листки своего доклада внимательно посмотрел на Протопопова. Очки его сползли вниз по переносице. Лицо помрачнело.

– Прогноз событий ближайшего будущего безошибочен и оправдается в действительности, – сказал он, уже не читая с листка и косясь на записи, сделанные министром.

Протопопов медленно повернул лист, на котором делал свои записи, положил перед Глобачевым. Глобачев взял лист, пробежался по строкам, приподнял бровь.

Записи Протопопова, выполненные в форме майндкарты, выглядели занятно для Глобачева. Все эти кружки, подписанные «Роспуск», «Распутин», «Оппозиция» и прочие, соединялись друг с другом стрелочками. Но главное здесь было другое. Внизу листа была проведена линия, которой Протопопов отделил свои пометки от распоряжений, которые Глобачеву следовало исполнить.

– Уверены, господин министр?

– Выполняем.

Глобачев взял лист, сложил его несколько раз и сунул во внутренний карман пиджака.

– Будет исполнено.

Он поднялся и вышел из кабинета министра, когда часы показывали далеко за полночь.

Протопопов, на которого новая реальность свалилась лавиной, решил дожидаться утра в своём кабинете. Проводив Глобачева, узнал, что до поздней ночи в приемной министерства ошивался Марков Второй, которого ошарашили вести о прекращении финансирования. Не получив приём, просил записать его на завтра пораньше и обещал прийти чуть ли не с петухами. Однако охрана сообщила Маркову, что завтра у министра не приемный день, и он будет занят важными государственными делами вне здания. Протопопов понимал, что Марковым, как и теми правыми, кто поддерживал правительство в зависимости от размеров причитающегося вознаграждения, он займётся позже. Пока же существовали более насущные дела.

Министр долго ещё размышлял о докладе Глобачева и о том насколько щекотливой оказалась ситуация в России 1917 года. Потом вздремнул пару часов, устроив постель на полу своего кабинета, а с первыми лучами солнца проснулся бодрым, свежим и отдохнувшим. Сделал зарядку, выпил крепкий чай, взбодрился и переключился мыслями на дуэль. Вызвал к себе охранников и приказал подготовить к девяти утра автомобиль.

Ну и кое-что ещё приготовить...

Потом министр достал пистолет и отправился практиковаться в стрельбе. Даже не столько попрактиковаться, а скорее напряжение снять. Постреляв на заднем дворе министерства, он вызвал в здании нешуточный переполох. С оружием Протопопов был на «ты», а в помолодевшем теле стрелять было одно удовольствие. Тем более личным орудием министра оказался Кольт М1911 с клеймом «Англ. Заказ», на деле поставлявшийся прямым из штатов⁵. Ровно такой Кольт был одним из любимых пистолетов Александра в 90-е.

Начался новый день.

---

⁵ Заказ на 100 тысяч знаменитых «Кольтов» М1911 из США

Глава 4

1917 год, январь 4,
Волково поле, окрестности Петрограда

«– Что самое главное на дуэли?
– Честь?
– Чтобы тебя не убили!»

Мушкетеры.

В начале седьмого к Протопопову пришёл Курлов. Нарядный, возбужденный, с красными глазами от недосыпа. Вряд ли генералу удалось сомкнуть глаза этой ночью, ой как вряд ли. Курлов осознавал в какое опасное дело он ввязывается, согласившись секундировать старого друга, потому что секунданты целиком и полностью разделяли всю ответственность вместе с дуэлянтами. А поскольку дуэль намечалась до смерти одного из участников, Павлу Григорьевичу предстояло ответить с Протопоповым за все возможные последствия подобной авантюры перед законом. Но надо отдать должное генералу, приняв предложение выступить секундантом, он даже не заикнулся ни разу о том, что желает откататься от своего выбора, даже если в душе хотел все переиграть и сдать назад. Не таким человеком был Павел Григорьевичем, не было в нем ничего мелкого и непорядочного.

– Поскольку нам нужен врач, я договорился с господином Цейдлером⁶, он прибудет сюда к семи, – безжизненным голосом сообщил он. – Представляю, что будет с Германом Фёдоровичем, когда он узнает, зачем мы вызываем его на самом деле!

– И что же вы ему сказали? – поинтересовался Протопопов.

– Мне пришлось сказать ему, что у Вас вылезла пупочная грыжа!

На дуэль всегда брали с собой врача, что являлось неким неписанным правилом. Врач должен был оказать сражающимся надлежащую медицинскую помощь. Но по существующему законодательству, врач, который узнавал о дуэли, был обязан немедленно сообщить об этом в соответствующие органы, дабы пресечь преступление, творящееся на его глазах. Поэтому об истинной цели вызова врачей уведомляли в самую последнюю очередь, не давая тем возможность «переобуться».

Понятно, что сообщать на министра внутренних дел никто не станет, некуда попросту. Однако делать из уважаемого хирурга, приват доцента и доктора медицины, соучастника преступления, было по крайней мере некрасиво и нагло.

– Мне не нужен врач, – заявил Протопопов.

– Ба! Это ещё что за новости? – неподдельно удивился Курлов.

– Едем без него.

– А что я скажу секундантам наших оппонентов? Кто ж кровь будет останавливать? Раны сами себя не обработают, знаете ли, господин министр.

– Мы туда на смерть стреляться едем, нет? – Протопопов достал из стола свой Кольт, сунул за пазуху. – Едемте, я распорядился подать мотор к подъезду. На дуэль покатым с ветерком.

С этими словами министр тотчас двинулся к дверям. Курлов поколебался, видимо размышляя как сообщить Цейдлеру, что в его услугах больше не нуждаются и был совершен ложный вызов, но махнул рукой и отправился следом за Протопоповым.

---

⁶ Герман Фёдорович Цейдлер – русский хирург, доктор медицины, профессор.

В приёмной министр напомнил, чтобы всех назначенных сегодня на приём граждан переназначали на другой день, и снова сослался на свою загруженность неотложными делами государственной важности. Он понимал, что это не лучшее решение, особенно на фоне низкой популярности Протопопова, но шёл на этот риск по необходимости. Также оставил деньги за «ложный вызов» для хирурга и попросил непременно их передать Цейдлеру, даже если тот станет отказываться и сопротивляться.

Следом вышли во двор, там их встретил один из охранников Протопопова, Пётр. Здоровый такой малый и неразговорчивый совсем, накануне вернувшийся со сборов в Ессентуках, где располагался физкультурный лагерь с современными тренажерами. Он вылез из подогнанного ко входу грузовика М 24/40 XV серии, 1914 года производства завода «Руссо-балт» и с угрюмым видом заверил министра, что все приготовления, которые тот просил сделать закончены и, как и просил Александр Дмитриевич, никто об этом не узнал.

– Что за приготовления? – переполошился Курлов, который будучи человеком из органов уже догадался, что Протопопов хитрит и «что-то» явно задумал, о чем не договаривает. – Вы что собрались ехать на грузовике? Зачем?

– К дуэли приготовления, Павел Григорьевич, залезайте в машину, уважаемый секундант, время поджидает, – министр открыл дверь и пустил Курлова вперёд.

Генерал выпучил глаза, аж вытянулся весь в струнку, заглядывая в грузовой отсек. Покоился на Протопопова.

– Э-эт чего вы задумали?!

– А это у нас небольшой сюрприз для господ Родзянко и Бобринского подготовлен, – ответил Протопопов, не утруждая себя более полными пояснениями. – Как думаете, Павел Григорьевич, понравится им?

– Саш ты сдурел что ли... – генерал вытащил платок из внутреннего кармана пиджака и принялся вытирать заструившийся по лбу пот.

Протопопов огляделся, удостоверился, что за ними кроме Петра никто не наблюдает и запихнул потерявшегося генерала на пассажирское сиденье, захлопнув дверь. Сам сел за руль и тотчас тронулся, благо охранник озабочился тем, что грузовик был заведён заблаговременно. Посигналив охраннику, выехал от здания министерства внутренних дел на Набережной реки Фонтанка.

На М 24/40 водитель сидел справа, но опыт управления праворульными автомобилями у Протопопова имелся, было дело и на японских Крузаках гонял с удовольствием. На праворульности сходства М 24/40 и Крузака решительно заканчивались, в остальном к управлению приходилось принаравливать, хотя наш герой чувствовал, что прежний Протопопов довольно неплохо управлялся за рулём.

Поехали не больше 20 вёрст в час, не поехали, а поплелись, но Курлов демонстративно схватился за сердце, напомнив о том, что с такой скоростью по столице ездить запрещено.

– У нас ограничение на 12 вёрст в час, Александр Дмитриевич! Сбавьте скорость...

Пришлось чуть сбросить скорость, потому как люди на улице недоверчиво косились на «мчавшийся» грузовик, управляемым ненавистным министром. Да и лошади пугались.

Курлов приходил в себя после увиденного сюрприза. Держал ладони на коленях и смотрел прямо перед собой.

– Господин министр, может пока не поздно остановимся? Избавимся от вашего сюрприза так сказать.

– Вы испугались, господин генерал? Или полагаете, что сюрприз господам Родзянко и Бобринскому придётся не по душе?

– Кому как не вам знать, что я не из пугливых, – завозмущался Курлов. – Просто как-то...

Павел Григорьевич не договорил и махнул рукой.

– Бог с вами, Александр Дмитриевич, выкладывайте, что вы задумали со своим сюрпризом! Один раз живем!

– Правильно рассуждаете, хотя насчёт один раз это спорно... – хмыкнул министр.

Протопопов начал рассказывать Курлову о плане, который родился у него на предстоящую дуэль. Вся дорога до места прошла за разговором, оказавшимся весьма занимательным. Курлов внимательно слушал, то краснел, то бледнел, собирался с силами.

– Я все понимаю, Паш, – наконец, закончил Протопопов. – Я зла на тебя держать не буду, прямо здесь остановлю грузовик, и ты вернёшься в министерство. Доктор ещё там наверняка, осмотрит тебя, освидетельствует, ты его рублем подогреешь, чтобы диагноз какой поставил и тебя наперёд прикрыл, что ты не при делах был. А не доложил о моих планах ты только от того, что захворал.

Курлов молчал долго.

Переваривал.

Снова вытащил свой платок протереть испарину.

– Вот честно, Саш, ты как министром стал, я думал, что ты свои яйца перед входом в кабинет на крючок повесил. Сам помнишь, что я за твою отставку говорил, а теперь не знаю, что и думать... – Курлов вздохнул. – Я узнаю в тебе того самого молодого зверя!⁷

– Так вы выходите, господин генерал, останавливаю?

– Своих не бросаем господин министр, едемте!

Несмотря на то, что весь город ждал, развития событий по конфликту в Александровском дворце, мало кто всерьёз полагал, что дуэль состоится. Все считали, что Протопопов найдёт тысячу и одну причину для отказа. Поэтому выехать из города удалось в тихую. Много народа видело ехавшего по улицам Петрограда министра, которого узнавали в лицо, но никто не подозревал, куда он едет. Тем более, что газетчики, а значит и общественность, для которой писались статьи, считали, что секундантами Протопопова станут другие люди и не признавали секундантом генерала Курлова.

За несколько вёрст до места, грузовичок остановился и Протопопов пустил Курлова за руль, а сам залез в грузовой отсек и притаился рядом с сюрпризом, оттуда и наблюдал за происходящим далее.

Дуэлянты уже ожидали, собравшись заранее, потому как опоздание на дуэль приравнивалось к жуткому позору сродни ее избеганию. И надо сказать, что Родзянко, ровно как и Бобринский, не мало удивились, увидев друг дружку и узнав, что Протопопов назначил им обоим дуэль в одно и то же время, приняв оба вызова, что в принципе неслыханно по тем временам. Теперь они выясняли кому из них придётся стреляться и вообще, как быть с тем, если Протопопов погибнет в первой дуэли и второй не получит сатисфакции. Сошлись в одном – Протопопов подлец и мутит двойную дуэль для того, чтобы избежать справедливого наказания.

Что задумал министр предстояло выяснить, а пока оба дожидались полудня, времени на которое было назначена смертельная дуэль. Бледные, готовые ко всему и взъяренные. На секундочку, удар палкой для дворянина был самым жутким оскорблением из возможных.

Что касается Протопопова, то пройдя своё становление сквозь тернии преступных группировок и криминальных войн, наш герой не раз участвовал в подобного рода стрелках и запомнил простое правило.

Кто сильный, тот и прав.

А сильнее чаще всего тот, кто хитрее.

Господин министр намотал на ус, что строить из себя того, кем не являешься – опасное дело. Не стоит играть в чужую игру, ты проиграешь. Вот и сейчас, Протопопов не собирался строить из себя правильного дворянина и гордеца. Он собирался спросить с этих двух ровно

---

⁷ Зверьми называли учащихся 1 курса Николаевского кавалерийского училища.

так, как посчитает нужным, спросить так, как бы удовлетворило его самого, а не принято словом здешних правил.

И когда грузовик подъехал к месту «стрелки», под удивленные взгляды дуэлянтов и секундантов (с чего бы вдруг здесь делать М 24/40?!). Когда грузовоз странно остановился «задом». Когда Курлов прямо на ходу откинул ткань на кузове. Тогда и настало время Протопопову явить свой сюрприз для господ Родзянко, Бобринского и их секундантов.

БА-БА-БА-БА-БА...

Сюрпризом оказался пулемёт Максима образца 1910 года, пули которого принялись выкашивать все живое вокруг, превращая в труху.

В щепки разлетались стволы деревьев, взрывалась земля, но главное падали замертво те, кто пришёл спросить с Протопопова. Когда Александр Дмитриевич закончил стрельбу в живых остался лишь председатель Думы Родзянко. Михаил Васильевич стоял и трясся как осиновый лист на ветру. Он даже не рискнул попытаться поднять свой пистолет, который все это время держал в руке.

Протопопов прыгнул с грузовика, подошёл к Родзянко, на ходу точным выстрелом попал в пистолет председателя, обезоружив его. Родзянко вскрикнул одновременно от боли и неожиданности. А Протопопов навёл на него дуло кольта.

– Руки вверх и на колени, господин думский председатель.

Родзянко повиновался. Лицо его было перекошено одновременно от страха и ненависти.

– Вам это просто так...

Не договорил.

Протопопов съездил председателю кольтом по переносице.

Родзянко взвыл от боли, схватился за нос, превратившийся по консистенции в гнилой баклажан. Министр сел перед ним на корточки, положил руку на плечо господину председателю, крепко сжал.

– Не вой и слушай сюда внимательно.

Протопопов начал говорить. Говорил долго, с расстановкой. Убеждать он умел. Родзянко слушал и кивал, стискивая нос, из которого сочилась кровь.

Курлов не терял время зря. Побросал трупы в кузов грузовика.

Закончив свою речь, Протопопов похлопал Родзянко по щеке ладонью и выпрямился. Помог Родзянко встать, достал пачку кредитных билетов, которые предусмотрительно захватил с собой. Протянул председателю.

– Купишь себе новый костюм, Мишань, – он критично осмотрел председателя, смахнул с пол пиджака прилипшие щепки. – Как же ты будешь в таком виде перед Думой выступать?

Протопопов развернулся и зашагал к грузовику. Курлов уже погрузил тела и натянул тряпку на грузовой отсек обратно. Грузовоз развернулся и уехал. Родзянко так и остался стоять, перепачканный в крови, со сломанным носом и держа в руках пачку кредитных билетов. У него в голове активизировалась бурная мозговая деятельность.

Глава 5

1917 год, январь 4,
окрестности Петрограда

«Каждый день с утра он знает,
С кем обедал Франц-Иосиф
И какую глупость в Думе
Толстый Бобринский сморозил...»

Саша Черный. Зеркало

Протопопов пошёл на силовое решение вопроса и принял это решение достаточно легко, как должное. Если и колебался, то ничуть не больше, чем во время выбора блюда на сегодняшний завтрак. Убивать людей, конечно, всегда непросто и привыкнуть к этому невозможно, но, если решение принято, выполняй.

Теперь следовало прибратся за собой. Оставлять следы, когда ты отправил на тот свет людей такого калибра – не лучшее решение и будет иметь далеко идущие последствия.

На грузовозе, они отъехали на несколько вёрст от места дуэли. Курлов подсказал одно «местечко», где нет народа в такое время года, но есть все условия для того, чтобы избавиться от тел по уму. Таким местом оказался обрыв над местной рекой. В январе ударили морозы, и речка была покрыта льдом, но тем лучше. Да и ещё на руку пошёл снег, заматая все следы преступления.

Остановились у обрыва, Протопопов в двух словах объяснил Курлову, что следует делать дальше. Вместе они рассадили тела в грузовике по местам. Сплюшь депутаты, националистического и монархического толка, перепачканные в собственной и чужой крови, изувеченные шквальным пулемётным огнём.

Тела на холоде начали коченеть.

Зрелище крайне удручающее.

За рулём грузовоза усадили самого графа Бобринского, которому пулеметными выстрелами порвало брюшную полость. Владимир Алексеевич слыл отъявленным монархистом, был членом трёх последних думских созывов, включая крайний четвёртый и, конечно, являлся товарищем председателя Родзянко. Как известно, на этом месте граф заменил Протопопова.

Заметная величина в Петрограде.

На момент бесславной кончины, Бобринский входил в пресловутый Прогрессивный блок в составе националистов.

Протопопов, изучая информацию по Бобринскому, узнал, что Владимир Алексеевич помимо прочего является, вернее теперь уже являлся крупным землевладельцем и распорядителем сахарного завода. Оставалось догадываться, какой вспыхнет срач среди его наследников после кончины.

Секундантов господин Бобринский подобрал себе под стать. «Центриста», депутата Думы крайнего созыва, князя Иллариона Сергеевича Васильчикова, посадили рядом с графом на пассажирское сиденье. Этот бывший чиновник Минюста и ковенский губернский предводитель дворянства. Иллариону Васильевичу нет и сорока, да и чем-то особо выдающимся выделиться он не успел.

И теперь не успеет.

Но пусть посидит рядом с водителем.

Второго секунданта, наравне с графом фигуру весьма заметную и примечательную, оставили в грузовом отсеке. Протопопов даже руками потер удовлетворенно, когда узнал какая

рыбка попала к нему в сети. Василий Витальевич Шульгин, как и Бобринский, был опытным думцем трёх созывов, перешедшим на сторону противников самодержавия, что, впрочем, не мешало ему искренне считать себя монархистом до самой своей кончины. Васька лежал в позе буквой «зю», и именно он вместе с Гучковым принял отречение Николая II в оригинальной истории и стал одним из идеологов Белого движения.

Что же.

Набегался...

Рядом с ним лежали секунденты Родзянко, лица менее заметные в истории, но имеющие авторитет в обществе 1917 года. Господин Лодыженский Сан Саныч, был членом кучи думских комиссий, председателем 9-го думского отдела и докладчиком по проверке думских прав. На Сан Саныче «бутербродом» лежал Люц Людвиг Готлибович. Этот из Красного Креста, особо-уполномоченный при 9-й армии.

Хороший улов получился.

Теперь все эти псевдомонархисты, или вернее то, что от них осталось после знакомства с пулеметом, останутся за обочиной и будут сняты с повестки дня раз и навсегда. Туда им и дорога.

Протопопов смотрел на тела, не испытывая при этом совершенно никаких эмоций. Для него отныне эти пятеро были не более, чем грузом, который хотелось поскорее сбросить с себя, прежде чем продолжить действовать.

Эти пятеро наверняка отдавали себе отсчёт в возможных последствиях, когда становились на скользкую дорожку политической оппозиционной жизни. Каждый из них понимал, к чему это рано или поздно приведёт. Это не трудяги с завода и не губернские крестьяне, поэтому ничего грешного в том, чтобы их завалить наглухо, если перейдут дорогу – нет.

– Здесь полная канистра, господин Протопопов, – послышался голос Курлова.

Генерал вытащил из грузового отсека канистру с бензином, которую накануне подготовил охранник Федя.

Протопопов взял канистру, открыл и начал обходить грузовик, заливая его бензином. Закончив, он закинул канистру в грузовой отсек. Потом открыл крышку с бензобака, почти опустевшего после поездки, и махнул рукой, давая отмашку Курлову. Генерал поставил коробку передач на нейтраль и толкнул грузовоз с изувеченными телами вниз по крутому спуску. Облитая бензином, машина медленно покатила к видневшемуся впереди обрыву, а Протопопов достал зажигалку Hurricane, зажег и бросил в автомобиль.

Грузовоз вспыхнул.

Бензин горел хорошо.

А потом рванули пары в бензобаке.

Объятый пламенем, грузовоз сорвался с обрыва, перевернулся в воздухе и упал на лёд.

Секунда.

Другая.

Лёд не треснул сразу от удара, но пошёл трещинами и вскоре трёхтонный грузовик ушёл под воду целиком. Вода забурилась, зашипела, туша пламя. В месте падения пошли масляные круги.

Протопопов подошёл к обрыву, убедился, что М 24/40 утонул и бросил:

– Направьте сюда своих жандармов, Павел Григорьевич. Пусть правильную задачу поставят следователям Васильева.

– Так в газетах слухи поползут, Александр Дмитриевич, сами ведь знаете...

– Пусть ползут, главное, чтобы концов журналисты не нашли, все понятно?

– Все сделаем как подобает, – заверил генерал. – Вот только зря вы оставили живым Родзянко, ой как зря, он же к вечеру все разболтает, и я даже не представляю, что тогда будет. Да и господин Кирпичников⁸ начнет нос совать...

Курлов поёжился. Вода в месте, где только что утонул грузовоз, успокоилась. Уплыли масляные пятна. А потом морозец начал стягивать корочкой льда водную гладь. Медленно так, но верно. Учитывая, что снегопад усиливался, через час-другой здесь заметет так, что не останется следов.

Что касается Родзянко...

Проще всего было убрать это неизвестное из уравнения и получить очевидное решение текущей задачи. Проще говоря, грохнуть Михаила Васильевича вместе с остальными.

Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы, как писал Рыбаков в «Детях Арбата», вкладывая эти слова в уста Сталина.

Но Протопопов никогда бы не пришёл к тому положению, которое занимал в течение своей жизни, если бы руководствовался подобным простым принципом при решении вопросов. Конечно, эффективность подразумевает, что любые задачи должны решаться самым простым способом из доступных. Но не всегда самые лучшие решения есть самые очевидные и простые. Проблема не в Родзянко и убрав господина председателя с пути, проблему не решишь, потому как она кроется гораздо глубже. Протопопов это слишком хорошо понимал.

Поэтому Михаил Васильевич должен остаться жив и выполнить ту задачу, которая ему отведена.

Некоторое время Протопопов и Курлов тщательно стирали с себя чужую кровь, вымазывая стерильно белые платки.

Потом умылись снегом. Понятно, что в таком виде являться в город недалеко, поэтому для начала следует привести в себя в надлежащий внешний вид и это поможет избежать кривых взглядов. Закончив, прихорошившись, платки тоже сожги, а пепел растоптали в снегу.

– Идемте Павел Григорьевич, пора возвращаться в Петроград, – Протопопов так и не ответил на вопрос Курлова про Родзянко.

Они двинулись прочь от обрыва и реки, обратно в столицу.

– Идемте, Александр Дмитриевич, – вздохнул Курлов, лицо которого приобрело привычную бледность.

Крупные хлопья снега падали на красные щеки Павла, таяли, как будто из глаз Курлова текли слёзы. Генерал теперь наверняка размышлял и ломал голову, кого из столичного следственного ведомства надлежит просить приставить к делу начальника департамента полиции и как все правильно обыграть с господами Кирпичниковым и Васильевым.

Без рисков.

Но надежные люди, желавшие выслужиться, были всегда.

Александр Дмитриевич тоже думал, но о другом совершенно. Он не знал, насколько Родзянко внял его словам и прав Курлов, последствия у событий сегодняшнего дня могут оказаться диаметрально противоположны друг другу. Потому как они могут развиваться в две стороны. Когда ты подбрасываешь монету, ты не знаешь наверняка какой стороной она выпадет. Могло легко оказаться так, что уже к вечеру о дуэли и об убийствах будет твердить весь Петроград. Вспыхнут волнения, потому как за обвинениями последуют разбирательства, а это затяжной процесс. А народ в 1917 году требовал скорейших решений и расправ над виновными... Чуть что не так – легко подымался на дыбы, возбуждался. И как правило, сначала делал, а потом думал.

---

⁸ Аркадий Кирпичников – начальник полицейского сыска в момент описываемых событий

Но и говорить о том, что Протопопов полагался исключительно на удачу, тоже не стоило. Он не пацан, чтобы рассчитывать только на фарт. Протопопов за те несколько дней, что пробыл в новом для себя теле, успел подтянуть свои знания в здешних понятиях и принципах. И сделал выводы. Поэтому действовал министр исходя из твёрдой убежденности, что Родзянко (даже если не внемлет словам Протопопова, что нежелательно) будет держать рот за семью замками, не станет мусориться ни за что. Объяснялась эта уверенность просто – жалоба Михаила Васильевича будет воспринята как слабость и неспособность одного дворянина справиться с другим в глазах общественности. Общественность осудит Протопопова, это без всяких «но» и осудит со всей возможной яростью, строгостью и возмущением. Однако эта же общественность серьезно усомнится в способности господина Родзянко оставаться той величиной, которой он является сейчас. Локомотив общественного мнения и борец за права ущемлённых масс, коим являлся господин председатель Думы, не имеет права проявлять слабость ни в коем случае. Любая просьба о помощи – это, так или иначе, прямое проявление слабости.

Сильные не просят, сильные помогают.

Поэтому, если даже Родзянко захочет отомстить, он будет искать другие возможности, которые позволят сохранить его честь и репутацию незапятнанными...

Так в 90-е ни один авторитет по схожим причинам не вмешивал в разборки с другими бандитами власть. Поэтому в, на первый взгляд, дерзком поступке господина министра, не было ничего, кроме холодного расчета. Ну а что выйдет из разговора с Родзянко... это только предстояло узнать.

Глава 6

1917 год, январь 6,
тайное совещание совета министров, Петроград.

«В политике нет мести, но есть последствия».

П. А. Столыпин

По возвращению в Петроград, Протопопов простился с Курловым и крепко пожал тому руку.

– Спасибо.

– Страшный вы человек, господин министр, – хмыкнул генерал. – Сколько вас знал и никогда бы не подумал, что вы горазды на такое.

– Практичный, – поправил Александр Дмитриевич. – А вы господин Курлов, помимо прочего, думайте меньше, а делайте больше.

– И что делать прикажете?

– Приставьте-ка нашего человечка из жандармерии к Родзянко для надёжности, пусть первые дни понаблюдает за ним в оба глаза. Если вдруг Михаилу Васильевичу в голову что нехорошее придёт – доделайте то, чего мы доделывать не стали. Смело доделайте и без моего на то спроса.

– Выполним, господин министр.

Обнялись.

Попрощались по-хорошему так.

Курлов отправился замечать следы случившегося и выделять человечка к Родзянко, а заодно решать вопросы с Кирпичниковым и Васильевым. Протопопов вернулся в здание министерства к вечеру. Там встретил охранника Федю и узнал от того, что приходил Марков Второй, а вместе с ним или позже (Александр Дмитриевич так и не выяснил) небезызвестный Римский-Корсаков. Оба перезаписались на приём на завтрашний день и долго выпытывали куда подевался министр и какими такими делами государственной важности он занят. Им ничего не сказали, но Протопопов понимал, что разговора с правыми не избежать. Просто так от них не отмахнешься.

Сейчас только не время разговаривать.

Позже.

Так-то разговор нужен.

Запершись в кабинете и напомним, что его ни для кого нет, Протопопов приготовил себе крепкий чай и плотно перекусил, разом отужинав и отобедав. Возможно потому, что новое тело все ещё требовало адаптации и настраивалось, Александр чувствовал себя совершенно разбитым и выжатым, словно долька лимона. Поэтому после ужина приняв сто граммов на грудь успокоения ради, завалился спать и продрых до следующего утра без задних ног. Сны ему не снились.

Уже утром его разбудил звонок Курлова, который сообщил, что вчерашние вопросы требующие исключительного внимания улажены и господину министру лично придёт на подпись приказ о премировании отличившихся полицейских из сыска на сумму 500 рублей, а также выделение премии самому господину Кирпичникову на сумму в 1000 рублей. Протопопов поблагодарил генерала за службу и обещал подписать приказ тем же днём, не затягивая. Отдельного упоминания о Родзянко от Курлова не последовало, по чему Протопопов сделал вывод, что Михаил Васильевич никак себя не проявил и не обозначил.

Ждёт.

Убедился в этом министр за завтраком, делая обзор прессы. Журналисты продолжали судачить о дуэли, но не так чтобы активно. Тема заметно утихла и сошла с первых полос. Интерес спал. Газетные вояки все ещё спрашивали – а будет ли дуэль, хватит ли у министра внутренних дел душки в проблеме разобраться? Да едко, да колко, но ни грамма в этих статьях не было от действительности. Не раскопали и не унюхали ничего.

Это вселяло определённый оптимизм.

День начался в приподнятом настроении.

После завтрака Александр Дмитриевич размялся хорошенько, поотжимался и поподтягивался в своем обустроенном спортивном уголке. Приучал к регулярным физическим нагрузкам своё новое тело. И приведя себя в тонус, был готов во всей красе встречать новый день, который обещал быть невероятно интересным и одновременно сложным.

Голицын накануне объявил, что сегодня, наконец, пройдёт заседание совета министров, на котором Протопопов намеревался присутствовать, отдаленно смахивающем на качалку из далеких 80-х. Заседания совета в эти сложные дни происходили регулярно, чаще всего по два раза в неделю. Дел вагон и маленькая тележка у правительства. Но после конфликта с участием Протопопова, премьер Голицын намерено тормознул государственную машину и перенёс заседание совета с 3 января на 8 января, чтобы дожидаться, когда улягутся первые страсти. Голицын, очевидно, хотел, чтобы общественности разных взглядов стало определённо понятно, что выходка министра Протопопова на торжественном приеме не несёт в себе никакого другого порыва, кроме очередного нервного срыва, которых за Александром Дмитриевичем значилось не счесть. И когда в глазах общественности Протопопов отказался «отвечать за базар» после выходки на торжественном приеме, премьер, натужно и последовательно добивающийся отставки министра внутренних дел, получал на руки все козыри в своих начинаниях. Мол, так и сяк, а Протопопову лечиться надо, а не министровствовать. Задача Голицына была ясна – пересмотреть состав правительства на момент открытия думских заседаний. Потому как в нынешнем составе правительство будет подвержено нападкам депутатов. И пересмотр логично было начинать с самого ненавистного министра, коим Протопопов и являлся. Задача же Протопопова заключалась в том, чтобы, во-первых, переубедить Голицына, если говорить мягко, а во-вторых, сделать совету на заседании одно крайне любопытное предложение, от которого министры не смогут отказаться ни при каких обстоятельствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.